

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог. Страшный сон</i>	7
ЧАСТЬ I. ГРАД НА ХОЛМЕ	11
<i>Глава 1. Новгород. Только пунический</i>	11
<i>Глава 2. Священная война</i>	63
ЧАСТЬ 2. МЫ СМЕЛО В БОЙ ПОЙДЕМ...	113
<i>Глава 3. Только шашка казаку во степи подруга....</i>	113
<i>Глава 4. И как один прольем кровь молодую</i>	145
ЧАСТЬ 3. ЧЕТЫРЕ СВАДЬБЫ И ПОХОРОНЫ.	196
<i>Глава 5. Дан приказ: ему на запад....</i>	196
<i>Глава 6. Эх, дороги....</i>	249
<i>Глава 7. Последний бой.</i>	288
<i>Эпилог. Я так давно не видел маму....</i>	345

Автор хотел бы сердечно поблагодарить Александра Петровича Харникова, свою супругу Светлану и протоиерея Илью Лимбергера, а также всех, кто читал это произведение по мере его написания на сайте russobalt.org, за помощь, поддержку и дельные советы

Пролог СТРАШНЫЙ СОН

Горели дворцы, особняки, торговые площади, лачуги бедняков. В огне погибали бесценные произведения искусства — шедевры архитектуры, великолепные фрески, богатейшие библиотеки. То, что могли унести — в первую очередь изделия из золота и серебра, — уже находилось на кораблях, которые отвезут их во вражескую столицу для последующего дележа, хотя, конечно, немало ценных трофеев осело в вещевых мешках победителей. Статуи и священные сосуды из бронзы свалили в огромные кучи, громоздящиеся у порта. Они ждали своей очереди на переплавку. Та же судьба была уготована железу: этот город славился качеством своего металла.

Вчера отовсюду раздавались крики женщин, детей и стариков. В цитадели, возвышавшейся над городом, собрались тысячи обезумевших от ужаса людей, бежавших из других частей города. Не хватало ни еды, ни воды, но мы сумели продержаться несколько дней, прежде чем нас ошеломила страшная весть — Совет согласился на условия врага и открыл ворота в обмен на жизни всех, кроме перебежчиков от неприятеля. Некото-

рые из нас ушли наверх, в главный храм, а я был одним из тех, кто вызвался задержать врага у входа в храмовый комплекс.

Вообще-то я не бог весть какой фехтовальщик, но вчера я оказался последним, кто оставался в живых и продолжал вести бой. Мне не довелось погибнуть в этом бою — на меня набросили сеть и спеленали, после чего долго и радостно избивали. Я уже думал, моя жизнь закончится здесь, под Храмовой горой, когда неожиданно услышал властный голос:

— Хватит!

— Слушаюсь! — с чуть затаенным недовольством в голосе ответил тот, кто меня бил в этот момент, пнул еще раз меня по ребрам и, ворча под нос проклятия, отошел от меня.

— Под стражу! — Голос был бесстрастным. — И половина доли в добыче.

— Но зачем вам нужен этот варвар?

Человек, который задал этот вопрос, явно тоже был командиром — может, десятник или даже сотник, — но рангом пониже, чем тот, кто отдавал приказы.

— Ты разве не слышал, что консул собирается устроить показательные бои в честь нашей победы? Он приказал выбрать наиболее умелых бойцов среди пленных. И должны они прибыть в столицу в целости и сохранности. Так что если кто-нибудь еще посмеет его ударить, то лишится всей своей доли. А пока переверните его, пусть посмотрит на то, что происходит с его городом.

— Он явно нездешний, — возразил его собеседник. — И не наш, я знаю, что консул приказал распять всех наших перебежчиков. Так вот, он явно какой-то варвар. Да, пусть посмотрит, как

мы празднуем нашу победу. Но ни в коем случае не развязывайте.

А сегодня меня со связанными руками повели к воротам цитадели и далее через город в порт, откуда мне предстояла дорога в их столицу — возможно, даже в относительном комфорте. Впрочем, я знал, что жизнь моя будет, скорее всего, недолгой: погибну на арене — если не в первый день их игр, так во второй или третий. Тех же, кого не выбрали для этих игр, попросту продадут на рынке рабов. Кому-то посчастливится, и они попадут в услужение к какому-нибудь богатею. Впрочем, сейчас жизнь раба будет стоить очень дешево, и обращаться с ним будут как со скотиной. Некоторые окажутся на фермах. А тех, кому и совсем не повезет, отправят на рудники, где они хорошо если проживут год или от силы два.

Женщин покрасивее, которые смогли пережить вчерашнюю ночь, продадут в наложницы либо служанки. Другим же уготовлена незавидная участь ублажать солдат, пока они не потеряют товарный вид. А затем их попросту прирежут. Стариков уже успели перебить, а детей... Девочек использовали так же, как и взрослых, и их обнаженные трупы валяются на улицах либо погребены под обломками рухнувших домов. Мальчиков же постарше, точно так же как их отцов, отведут на продажу (им еще повезло, что мужеложество среди победителей пока еще не в моде), а младенцев попросту убьют, если уже этого не сделали.

Мне вспомнилось, что одной из причин, по которой враги вопили, что, дескать, город должен быть разрушен, было то, что жители его якобы

приносили в жертву первенцев, а они, поборники морали, не могли этого допустить. Вот и показали мастер-класс морали...

Мы проходили мимо сторожки у ворот, ведущих в Нижний город. Неожиданно я услышал до боли знакомый голос. Вот только никогда я не слышал, чтобы моя любимая так кричала. Каким-то нечеловеческим усилием я порвал путы на руках, выхватил у одного из охранников меч и...

Тупая боль в голове, свет померк у меня перед глазами, и я... проснулся.

ЧАСТЬ I

ГРАД НА ХОЛМЕ

Глава 1

НОВГОРОД. ТОЛЬКО ПУНИЧЕСКИЙ

1. Прощай, Ваня!

Очнулся я в белом грузовичке, на котором мы с Ваней возвращались с оружейного склада. Ваню на арабском зовут Яхья, он сириец из села Маалула, где до сих пор говорят на арамейском языке — том самом, на котором разговаривал Спаситель. Ванино имя на арамейском звучит Йоханнан, и он собирался учиться на православного священника Антиохийского патриархата. Но тут в Сирии началась гражданская война. Маалула была захвачена теми, кого Америка называет «демократической оппозицией». После пятимесячного террора и после того, как Ванина старшая сестра, монахиня в монастыре святой Феклы, была взята в заложники, он ушел добровольцем в сирийскую армию. Сначала его послали на фронт, но потом перевели в водители.

Я же учился в Институте стран Азии и Африки на переводчика с арабского. Мне неожиданно предложили практику в Сирии. С Ваней я познакомился, когда сопровождал его в одной из поездок. Узнав,

что он говорит по-арамейски, я попросил его обучить меня и этому языку — он был похож на иврит, который мы также изучали на факультете. Но современный иврит был для меня новоделом, зато то наречие, на котором говорил Ваня, произошло от языка времен Спасителя, лишь немного изменившись за два тысячелетия. А он, в свою очередь, попросил меня преподавать ему начала русского. И первым его вопросом было, как бы его звали в России. Имя Ваня ему очень понравилось, и с тех пор по-русски я его называл только Ваней. И при любой возможности я предпочитал ехать на его грузовике.

А теперь мой друг все еще сидел на месте водителя. Вот только дверь с его стороны была испещрена мелкими дырочками от осколков мины, а меня же, судя по всему, знатно приложило о правую дверь — каюсь, я не был пристегнут. В левую руку впился осколок, который я осторожно достал, других ран мне не удалось обнаружить. А Яхья был мертвее мертвого.

Через ветровое стекло — оно каким-то образом осталось цело — были видны стены глинобитных зданий. Как мы сюда попали? Мы же ехали по асфальтированной дороге по пустыне, и никаких построек вдоль нее я не припомню. Я включил рацию, загорелся огонек, но все мои попытки установить связь оказались бесполезными. Включил от безысходности радио в машине — и вновь тишина, нарушаемая лишь треском помех. Я вздохнул, с трудом открыл дверь и вывалился наружу.

Машина стояла на продолговатой площадке, сооруженной из утрамбованной земли, посыпанной гравием. По левую руку поднимались стройные ряды винограда, а на склоне прямо передо мной виднелись оливковые деревья. Неподалеку находились

какие-то постройки, вероятно хозяйственные, и на двери каждой висело по замку довольно необычного вида. Одна из дверей не слишком плотно прилегала к косяку, и в полумраке я увидел множество бочек, мало чем отличающихся от знакомых мне по экскурсиям на винодельни.

Солнце стояло чуть выше горизонта, между двумя холмами, и я не знал, было ли сейчас утро или вечер. Воздух оказался довольно прохладным, градусов, наверное, восемнадцать — и это после сорока с лишним в сирийской пустыне.

Я крикнул, но никто не отозвался. Подумав, я решил, что если это утро, то, может, здешние обитатели еще спят.

К стене одной из построек была прислонена примитивная лестница. Я забрался по ней и оказался на выпуклой крыше, с которой открывался вид на окрестности.

Мне вдруг вспомнился «Волшебник Изумрудного города», где Элли говорит собачке: «Мне кажется, Тотошка, что мы больше не в Канзасе». На Центральную Сирию это было совсем не похоже. Во-первых, далеко внизу я увидел море. Ладно, у Сирии тоже есть выход к Средиземному морю, но прибрежные районы страны находились достаточно далеко от мест, где я недавно пребывал.

А еще я увидел немалого размера город, окруженный тремя рядами стен. Над ним возвышалось нечто вроде акрополя, в середине которого на возвышении находилось огромное здание. В бинокль я смог разглядеть, что оно было похоже на греческий храм с колоннами по периметру. Далее город спускался к морю, а у подножия находилось нечто напоминавшее огромный ключ — длинный прямоугольник моря, окруженный чем-то вроде широких

стен, и круглое кольцо в конце с островком посередине.

Я всмотрелся — и меня как током ударило: очень уж все это было похоже на город, виденный мною во сне, обрывки которого все еще не выходили у меня из головы. Вот только что это за город? Мне вспомнился Высоцкий: «И в ночь, когда из чрева лошади на Троию спустилась смерть (как и положено — крылата)». Может, и правда Троя? Или Иерусалим в семидесятом году, когда его осаждали римляне? Нет, он не подходит: в Святом городе, если верить картам, нет моря. Но были и другие города, полностью уничтоженные после того, как их взяли. Коринф, например, или Карфаген. И это только те, которые я знаю.

Но, как бы то ни было, даже через бинокль город был необыкновенно красив. И я неожиданно для себя попросил у Господа, чтобы то, что я пережил во время того ночного кошмара, не случилось наяву.

Спустившись вниз, я решил, что первым делом нужно было бы похоронить моего друга похристиански, хотя бы пока. Когда я выйду к своим, то, надеюсь, земляки перезахоронят его со всеми почестями в его родной Маалуле. Или если я найду здесь батюшку, нужно попросить его отпеть раба Божьего Иоанна, хотя бы заочно.

Я с остервенением долбил землю и молил про себя Господа за упокой Ваниной души. За то время, что я провел в Сирии, он стал моим другом, а младшая его сестра Мариам, которую мне один раз довелось увидеть, была писаной красавицей — шатенка с серыми глазами. Если верить сирийцам, они на самом деле белые и пушистые, пардон, светловолосые и голубоглазые. Таких я не видел, но если кто и был близок к этому идеалу, так это она. Ваня мне однажды